

несколько палаток. В них и происходит передача индийскими войсками военнопленных воинов корейской Народной армии и китайских народных добровольцев представителям корейско-китайского командования.

23 декабря мы присутствовали при очередной передаче 13 человек. Десять китайцев и один кореец во время разъяснительной беседы изъявили желание вернуться домой. Другим китайским военнопленным на эту беседу понасть не удалось, и они с риском для жизни бежали из лагеря под охрану индийских войск. Одного из них — Го Цзян-дун — доставили на носилках: во время побега, спасаясь от гнавших за ним лисымановских агентов, Го Цзян-дун упал и сломал ногу.

По окончании формальностей военнопленных проводили на отдых в ближайший домик. Здесь корреспонденты смогли поговорить с ними.

Все мы, как и обслуживающий персонал, уже очень много слышали от тех, кому удалось вырваться из когтей смерти. Мы знали о страданиях военнопленных в лагерях Чечжудо, Кочжедо, Понгана, в лагерях нейтральной зоны. Но услышанное сейчас заставило нас вновь содрогнуться.

Вначале бывшие военнопленные отвечают на вопросы кратко, опасливо оглядываясь по сторонам. Но постепенно беседа оживает. Гнев и решимость озаряют их лица, они начинают говорить не останавливаясь, перебивая друг друга.

— Только сегодня, 23 декабря, в последний день разъяснительной работы, — рассказывают освобожденные, — лисымановские и чанкайшиские агенты, орудовавшие в лагерях, силой задержали в палатках 250 военнопленных, не позволив им присутствовать на беседе с представителями корейско-китайской стороны. Среди этих 250 человек были все, кто заявлял, что желает вернуться домой, или кого подозревали в этом намерении. Под страхом смерти им запретили выходить из палаток, которые охранялись продажными агентами.

Перед тем как должны были состояться беседы, агенты всячески запугивали пленных. Они убили их шуметь во время бесед — опрокидывать стулья и столы, оскорбляли корейско-китайских офицеров. Военнопленным внушали, что тот, кто не будет этого делать или проявит нерешительность, будет убит.

Террор возымел своё действие — попускаемые агентами, некоторые военнопленные пы-

тались устраивать беспорядки и этим сорвать проведение бесед.

Запугивание продолжалось и во время самих бесед. Дело в том, что переводчиками-наблюдателями от американской стороны как правило, являлись агенты из того лагеря, с военнопленными которого велась беседа, — те самые террористы, которые перед этим избивали их. И случалось, что из чувства слепого страха военнопленный начинал делать то, чему его учили, — повторял фразы, которые ему подсказывал агент-переводчик. При этом присутствовавшие здесь шведские и швейцарские представители подчас сразу же требовали прекращения беседы под тем предлогом, что военнопленный якобы уже «выразил свою волю».

Вот почему в ряде случаев военнопленные, возвращавшиеся в лагери как «уже выразившие свою волю», бежали оттуда в расположение индийской охраны и умоляли об отправке на родину. Так было и 23 декабря, когда Го Цзян-дун сломал ногу.

В этот же день разъяснительная работа проводилась и среди южнокорейских и американских военнопленных. Известно, что американская сторона сама пожелала начать её лишь 2 декабря. В течение первых десяти дней и после бесед ни один южнокорейский или американский военнопленный не изъявил желания репатрироваться. Во время этих бесед кричали, неистовствовали не военнопленные, а сами разъяснители! Слышком уж сомнительны были их аргументы — военнопленные по собственному опыту знали цену фальшивым декларациям Ли Сан Мана!

Мы беседовали в Кэсоне с генералом Ким Иром — главой персонала корейско-китайской стороны, проводившего разъяснительную работу. Он сообщил, что американские представители стали срыдать разъяснительную работу с первых же дней. Началось с того, что помещения для проведения разъяснительных бесед они построили рядом с лагерем, где было сконцентрировано большое количество их агентов. Эти агенты забрасывали камнями всех направлявшихся на беседу. Под всяческими предлогами (вплоть до ссылок на «отсутствие строительных материалов») американские представители оттягивали начало разъяснительной работы. Лишь 15 октября — вместо 25 сентября, как было предусмотрено соглашением, — корейско-китайская сторона смогла начать разъяснительную работу.

Американские представители устраивали психические провокации и во время проведения бесед с военнопленными. Генерал Ким Ир показал нам нож, сделанный из куска толстой жести. Нож был отобран у одного из агентов, когда тот во время беседы набросился на представителя корейско-китайской стороны.

— Такими ножами, — сказал Ким Ир, — агенты убивают военнопленных, заподозренных в намерении вернуться домой. Индийским войскам удалось обнаружить и арестовать нескольких убийц.

Сейчас уже документально установлено, что всей деятельностью лагерной агентуры непосредственно руководят лисымановское правительство и его заокеанские хозяева. Члены нейтральной комиссии по репатриации передали корреспондентам две фотокопии писем-инструкций, которые были обнаружены у агентов индийской охраны. Вот они:

«Я хочу передать указания господина президента Ли, а также господина начальника главного жандармского управления, являющегося руководителем антикоммунистической молодёжи (то есть агентов. — В. Т.). Антикоммунистическая молодёжь не должна слушать разъяснений, чтобы правительство Корейской республики скорее смогло дать ей возможность пользоваться правами граждан Южной Кореи.»

И далее:

«Как только получите это письмо, начинайте сразу разъяснительную работу... Прежде всего обсудите все вопросы на совещании представителей от каждого лагеря; организуйте саботаж и напишите протест, который также обсудите на совещании. Впредь указания будут передаваться по радио или через работников больницы Ким Сен Рока начальникам первой и второй подгрупп...»

Оба письма заканчиваются словами:

«Всё вышеуказанное держите в строжайшей тайне. Это является абсолютным секретом; о котором даже в правительстве Корейской республики знают всего несколько человек.»

С помощью подобных преступных махинаций американской стороне удалось фактически сорвать разъяснительную работу среди корейско-китайских военнопленных. Вместо 90 дней, предусмотренных соглашением, разъяснительная работа велась всего 10 дней — три дня с пленными корейской Народной армии и семь дней с военноплен-

ными из числа китайских народных добровольцев. Но даже и в эти дни беседы продолжались не по 8 часов, как было условлено, а лишь по 4—5 часов.

Могли ли представители корейско-китайской стороны примириться с тем, что на разъяснительных беседах побывали лишь три тысячи военнопленных, в то время как более двадцати тысяч продолжают томиться в лагерях? Естественно, нет. И в последний день проведения разъяснительной работы, 23 декабря, корейско-китайская сторона направила нейтральной комиссии по репатриации письмо, в котором решительно потребовала продолжения разъяснительной работы, с тем чтобы было компенсировано всё потерянное время.

Официального ответа на письмо не последовало. Зато последовал ответ, так сказать, неофициальный. Американский делегат в организации Объединённых наций Лодж заявил, что 22 января все нерепатрированные военнопленные должны быть «освобождены без особых формальностей», то есть переданы в распоряжение Ли Сан Мана.

31 декабря представитель корейско-китайской стороны генерал Ли Сан Чо направил председателю нейтральной комиссии по репатриации генералу Тимайя письмо, в котором вновь выражается решительный протест против попытки американской стороны не допустить продолжения разъяснительной работы и насильно задержать военнопленных. В письме подчёркивается, что в результате саботажа американцев корейско-китайские представители смогли проводить разъяснительную работу только в течение 10 дней; более 85 процентов пленников корейцев и китайцев разъяснительных бесед не прослушали. Поэтому время, отведённое на разъяснительную работу, должно быть продлено. Мирровая общественность, заявил генерал Ли Сан Чо, единодушно поддерживает это требование корейско-китайской стороны.

Последующие события полностью подтвердили правоту корейско-китайской стороны. В тот же день, 31 декабря, ещё 128 китайских военнопленных вырвались из-под контроля чанкайшиских агентов. В то время, когда индийские войска производили переключку в одном из лагерей, эти 128 человек потребовали репатриации, и вечером того же года они были репатрированы. Вместе с ними добились свободы и вернулись на родину трое корейцев, пробравшихся через проволочные заграждения и бежавших из лагеря под охрану индийских войск.